

УДК 821.161.1-3

Н.В. Сподарец

ТОПОГРАФИЯ КАК ФАКТОР АНТРОПОЛОГИИ РОМАНА ВАНДЫ МАЗУР «ДЕНЬГИ»

Знаковые литературные произведения разных культурно-исторических эпох всегда показательны глубиной авторского осмысления человековедческой проблематики. В творчестве современных писателей экспликация концепта «человек» часто ориентирована на научные парадигмы постмодерной эпистемологии. Констатировать такую корреляцию возможно только на основании аналитической работы в пространстве художественных миров произведений, где опыт авторской концептуализации и моделирования образов героев осуществляется в систематике оригинальных поэтичных приемов.

Творчески продуктивным и показательным для современной прозы представляется практика концептуально-поэтичных решений антропологической проблематики в романе Ванды Мазур «Деньги», что станет предметом исследования в нашей статье.

Роман Ванды Мазур издан в начале 2019 года [1]. Автор определила жанр произведения как роман-океан. Эта метафорическая номинация соответствует постмодерной стратегии его текстообразования.

Жанровая модель романа сформирована в отношениях притяжения и отталкивания с жанровыми протоколами предшествующих и современных литературных произведений. Отмечаем структурные компоненты утопии и антиутопии, мениппеи и средневековой мистерии, мифов (о сотворении мира, о герое, земном рае и др.), дневников, писем, эссе, документальной очеркистики, объявлений, поэтических и драматических текстов. И это многообразие дискурсивных форматов концептуально и художественно оправдано в структуре целого, что становится очевидно при прочтении текста всего произведения. Повторяемость

© Н.В. Сподарец, 2019

<http://dx.doi.org/10.34142/2312-1076.2019.4.94.15>

(топосная цикличность) ряда мотивно-образных компонентов (образа Другого, лестницы, библиотеки, мотивов языка, музыки, любви–нелюбви, рая на земле и др.) и сюжетных ситуаций (инкарнации, праздника, катастрофы и др.), отвечающих статусу архетипических и мифогенных, позволяет ставить вопрос и о признаках авторского неомифа.

Закономерно, что в такой семантически емкой структуре художественного мира романа констатируем масштабность проблемно-тематических комплексов, актуализированных в процессе повествования. Они характеризуются геополитической и экзистенциально-экологической направленностью, при этом их концептуализация исходит из принципа преодоления одномерных оценок и неорелятивизма, что коррелирует с постмодерной эпистемологией.

Но мастерство Ванды Мазур как романиста проявилось не в том, чтобы поставить проблемы. Автор приобщает нас к художественно увлекательному поиску их осмысления в контексте развертывания бытийных картин, отношений адептов и оппонентов эйкуменной социально-культурной утопии, формально мотивированной переосмыслением экзистенциальной ценности денег.

В основу фабулы романа положена история замысла, воплощения и краха утопической территориально-цивилизационной автономии, получившей название Эйкумена. Сюжетосложение и архитектоника произведения подчинены принципу постмодерной деконструкции причинно-следственной линии повествования и традиционной романной моноформатности дискурсов и жанров.

Скрепой же разноплановых повествовательных форматов и дискурсов в тексте стал архетипический сюжет инкарнации, поиска личностной идентичности. В такой циклично развернутый сюжет включены центральные герои – представители разных цивилизаций и этносов.

Показательно, что в этом процессе для ряда персонажей именно юг Украины, одесский регион оказался местом силы, фактором ментальной инкарнации. Здесь, по авторской концепции, и могла

сформироваться эйкуменская цивилизация как полиэтническое территориально-хозяйственное единство, первоначально номинированное его адептами «княжеством», в котором, по мысли Скорри – идеолога и гражданского лидера Эйкумены, и воплотилась стихийно сформированная, но показательная в поисках антропной идентичности современная модель «рая на земле».

История возникновения утопической Эйкумены представлена в романе на страницах дневника Скорри – француза, который был командирован на юг Украины еще за несколько лет до краха Первого Виртуального банка, спровоцировавшего глобальную экономическую катастрофу. В одесском регионе Скорри представлял «организацию, консультирующую правительства развивающихся стран», имплементируя европейское законодательство [1, с. 179].

Его дневник включен в повествование как третья глава книги, состоящей из семи глав. Дневник начал писать еще мальчик, обративший наше внимание на свое имя Арно, данное родителями. Детские впечатления жизни в семье отца – французского банкира, ситуации предательства и лжи школьных друзей, история любви и отчуждение в отношениях с женой, университет, работа в банке отца и дружба с сестрой Эльзой – все эти события представлены в контексте показательных хронопических уточнений ко всем главам дневника: 20-й, 15, 14, 12, 9, 7, 3, 2, 1 год до рождения Эйкумены. Аналитика событий, оценки, рефлексии, диалоги в тексте дневника так или иначе обосновывают (начиная с детских лет) миссию Арно как Стражника, идентичность которой в полной мере проявилась только в бытность Эйкумены (отсюда и оправдание его нового имени Скорри).

Первые полтора года деятельности в южном регионе Украины он ощущал себя ментально Другим, но стремящимся постичь феномен украинского мира и украинской души: «... я лишь сидел на заседаниях горсоветов, круглых столов, дискуссионных клубов, на исписанных креслах троллейбусов, конференц-залов и ресторанов, за партами школьных классов и университетов, стоял в очередях и лежал на пляжах – и все слушал, слушал, слушал...» [1, с. 179].

Скорри надеялся, что опыт общения даст «доступ к содержимому украинской души, заставляющей человека поступать совсем не так, как он озвучивает», обобщая: «Мне, стражу порядка, судьба присудила высшую меру наказания – понять людей, ежесекундно преступающих закон» [1, с. 180].

В его дневнике эмоциональная рефлексия украинского опыта сменялась рациональной аналитикой европейца, но пазлы долго не сходились. Он чувствовал себя инородным в границах этой непредсказуемой украинской цивилизации.

Фактором изменения отношений Скорри к Украине и с украинцами стало не столько крушение Всемирного виртуального банка и тотальное банкротство местного населения. Это скорее фактор изменения самосознания украинцев. Скорри поразила реакция многих из них на экзистенциальные вызовы, граничащие с утратой материального базиса существования, государственности и социальной идентичности. Он констатировал: «Украинцы великая в своей непостижимости нация, не дожидаясь мифического благополучия, уже с месяц как покинули город и с оружием в руках отвоевали у крупных фермеров плодородные земли. «Зачем нам деньги?» благоразумно решил этот народ, не успевший порвать связь с земледелием. Вся страна в каком-то вдохновенном, инстинктивном порыве перешла на дохристианский бартер» [1, с. 184].

В ситуации, когда «две трети жителей городов (имеется в виду городов мира – Н.С.), а это почти миллиард..., вдумайтесь миллиард здоровых, полноценных физически людей заползли обратно в свои норы-квартиры, апартаменты, особняки, не только свои, но и чужие, и остались там умирать, дожевывая комнатные растения» [1, с. 195], многие одесситы поражали готовностью возвратиться к земле, проявляя коллективную волю возродить натуральное хозяйство, реанимируя забытые социальные модели времен Средневековья. Эта часть населения и составила костяк «княжества», обосновавшегося в степях одесской области и получившего название Эйкумена.

Скорри констатує: «Безумовно, я розумів, що в світі відбуваються більш цивілізаційні процеси. Ми затерялись не тільки в степній глухомані, але і в системах управління суспільством, поєднуючи неоліт з демократією і монархією, і в технологіях, виробляючи підкови для коней з використанням сонячної енергії», але «мало-помалу ми дійсно стали ходити на державу, хоча було і відчуття недовговічності і навіть нереальності відбуваючого» [1, с. 185].

Ейкуменський світ поступово отримував ознаки державності: був сформований новий етичний кодекс, побудований на пріоритетах колективу, за яким, наприклад, «зняли інститут шлюб, оскільки випадкові зв'язки приводили до збільшення народності значно ефективніше». Показальним стало і «переслідування за насильство поза залежності від гендерної належності» [1, с. 187].

Найголовніше – був створений ейкуменський мова. Скорри керувався переконанням: «... новий уклад легше всього заходить через новий мова... Якщо б я створював мова сам, – розважав він, – черта з двома б отримався живої організм» [1, с. 204].

«Відкрила» ж, як пише Скорри, ейкуменський мова, викладачка французької мови Віра Заремба, яка відрізнялася особливою «чутливістю» до світу: «Її вміння перекладати на мова слів найменший шелест трави, підірвання конячих усів або храп з сусіднього будинку влюбляло в неї саму і в її предмет (французький мова, природно) малюнок і відпугувало дорослих» [1, с. 205].

Виходячи з принципу органічності називання, звучання і функції, Віра приступила до особливої місії – написання підручника ейкуменського мови. Скорри як ідеолог і організатор цього процесу, знаходив для неї книги в університетській бібліотеці напівмертвого міста (мова йде про діючу бібліотеку Одеського національного університету імені І.І. Мечникова). Великим потрясінням для Скорри було те, що бібліотеку «не просто охороняли. Вона працювала! В читальних залах сиділи люди

всех возрастов, читали и даже делали записи, как будто никакой всемирной финансовой катастрофы и в помине не было» [1, с. 206].

Месячная работа над словарями и учебниками по санскриту, русскому, украинскому, французскому, болгарскому языку, сравнительному языкознанию – и Вира Заремба создала эйкуменский язык и написала по нему учебник, ментально объединивший многих представителей разных этнических групп, проживавших в Одессе и Одесской области, которые и стали народом Эйкумены.

Скорри фиксирует у населения юга Украины не только созидательные, но и деструктивные интенции, ставшие очевидными в столкновениях с жителями еще одного «княжества» – Серединовки. Промысел серединовцев – разбой и воровство, с чем приходилось сталкиваться эйкуменцам. Но Скорри не идеализирует последних. Удивляясь, с «какой готовностью... народ откликнулся на нововведение», он отмечает неистребимость греховных интенций человека: «И я поразился, как люди охотно закрывают глаза на ложь, когда она облачена в пристойную одежду» [1, с. 188].

Очевидно, что Ванда Мазур, избрав для раскрытия истории Эйкумены форму перволичностного письма Скорри, получила возможность, нарушив иллюзию авторской опосредованности, приобщить читателя к непосредственной рефлексии героя об украинской душе и украинском мире, представленных в ситуациях экзистенциальных вызовов.

Процесс концептуализации украинского мира и украинской души в дневнике Скорри коррелирует с общим принципом письма романа «Деньги» от топографии к онтологии. Отсюда закономерность моделирования бытийных форм идентичности украинского этноса в границах архетипических показателей антиномичности.

Показательна и образная номинация, которой Скорри выражает свое понимание феномена украинской ментальности как состояния детства этноса: «Я, безуспешно подбиравший аналогии для категорий и параметров, описывающий этот народ, прозрел от простоты решений: достаточно было расписать ограниченный набор произносимых среднестатистической украинской матерью

наставлений своему ребенку и распределить их по шкале «хорошо-плохо», и готов портрет целой страны. Страны, в которой взрослого психологического возраста достигли лишь единицы. Я долго жил в стране детей, обманываясь солидным внешним видом и членораздельностью речи» [1, с. 185].

Эти оценки Скорри отвечают позиции западника, о чем в контексте характеристик российского менталитета неоднократно высказался еще Н.Бердяев, констатируя, что для человека западной культуры Россия, как и для русских западников – это не мать, а дитя.

«Молодость» украинского этноса не помешала ему, пережив болезненные трансформации, именно на своей земле обрести новые силы и новое ментальное качество коллективизма, что и покорило западника Скорри. Полтора года жизни Эйкумены на просторах одесских степей, где природой созданы оптимальные условия сотворения «рая на земле» («сочетание земли, воды и солнца»), стали для Скорри значимыми как в личностном, так и в экзистенциальном становлении. Он обрел новые смыслы и утвердился в чувстве ответственности лидера за каждого эйкуменца, которого не отделял уже от общности «мой народ». Новый этап самосознания героя сопровождался его самоидентификацией с соответствующим именем – Скорри Анатолий Эйкуменский.

Антропно-экзистенциальный потенциал одесской Эйкумены Вандой Мазур раскрыт не только на примере ментальных трансформаций Скорри.

В фабульную канву романа включен эпизод визита Эльзы – сестры Скорри в одесскую Эйкумену. На фоне впечатления от натурального молока на ферме, закромов с закрутками, вином и другим провиантом, работы эйкуменской школы и феномена эйкуменского языка, вечернего застолья, на которое «сбежалось со своей провизией целое село» [1, с. 194], Эльза укрепила в правоте своей идеи об ущербности существования человека и человечества, смысл которых определяется денежными эквивалентами.

Ситуация ужина Эльзы с эйкуменцами отнесена Скорри «не иначе как к свадебному или поминальному» [1, с. 194] ритуалу, тем

самым, определен его сакрально-экзистенциальный статус. К собравшимся Эльза обращалась как к «милым» и «волшебным людям». При всей разнице интеллектуального потенциала с эйкуменцами, которых Эльза воспринимала как «массу», каждый из них стал частью той новой силы, которая укрепила ее отчаяние при констатации новой волны глобальной цивилизационной катастрофы. Вот как это увидел Скорри: «И ведь умеют же выкрутить, переломить в свою сторону – баба Варя тихонько запела, и звуки уносили прочь и Эльзину тоску, и неизвестность будущего, и притихшие мысли – решительно все, что мешало счастливо закончить этот вечер. Второй женский голос, мужская партия на октаву ниже, потом на две – воздух заполнялся пением как трепыханием разноцветных ленточек на ветру, каждый голос был кистью, замальовывающей красками мрачное ноябрьское небо. В нем проступали сквозь облака звезды.

Блестящие точки расширялись как будто подлетали к Земле и превращались в лица, миллиарды лиц, блаженно внимающих мелодии. То были предки. Они смотрели на Эльзу и шептали «у каждого свое раньше», «что раньше, то и позже», «танцуй, девочка, танцуй», и она зашелестела одеждой, как яблоня на ветру, и надели ей на шею бусы, и дали в руки колоски, и окружили ее хороводом, и накрыли небосводом прошлого, чтобы растворилась она под куполом времени и нашла себя счастливой. Я встал в хоровод вместе со всеми, пропустив к Эльзе скрипача, и понеслась звонкая Эльзина душа отскакивать зернышками от танцующих оборотней. Прикасалась сестра к груди каждого снопом, откидывая голову и хохоча во все горло, как ведьма, и узнала она в ту ночь тайны моего народа, но и свои тоже, сокрытые за фальшивыми покрывалами» [1, с. 196].

Процесс инкарнации француженки Эльзы представлен в контексте картин праздника одесских эйкуменцев. И описан он как ритуальное действие посвящения Эльзы, в котором преодолевалась ее этническая идентичность. Концепты Одессы и одесский регион в границах художественного мира романа Ванды Мазур артикулируются как аксиологически значимые в утверждении транскультурной идентичности персонажей. Показательно, что в

соответствии с тенденциями гуманитаризации современной эпистемы, пространственные топосы в романе концептуализируются не столько в аспекте этнического фактора, сколько экзистенциально-онтологического и мифопоэтического. Представители разных народов, преодолевая последствия мировой катастрофа, едины в своем стремлении к созиданию новых цивилизационных моделей.

Словами Скорри Ванда Мазур предупреждает читателя, что Эйкумена – это «головой созданная невообразимая реальность» [1, с. 198]. Поэтому ее пространственная топика, при всей очевидности признаков non-fiction (топосы Франции, Северной Африки, Украины, Одессы и др.), наполняется символическими значениями, архетипическими кодами, чему соответствует поэтика многозначности номинаций «юг Украины», «южный город», человеческий ресурс которого и позволил создать одесскую Эйкумену. Но читатель не сразу узнает, о каком южном городе идет речь. Только по ходу повествования образ места конкретизирован топосами Одессы и одесской области. Они включаются в повествование не только для пространственной конкретизации. Семантическое поле этих понятий расширяется до значений ментального состояния человека в ситуациях экзистенциальных и цивилизационных потрясений.

Стратегия текстообразования между форматом фикшен и non-fiction в романе реализуется сопряжением дискурсов визионной, рефлексивной и достоверных пространственных топосов. В соответствии с чем, сфера топонимов в моделируемых картинах эйкуменского мира не ограничена функцией объектно-предметного знака реального места, а наделена и условно-символическими значениями.

Очевидно, что художественная антропология романа Ванды Мазур «Деньги» коррелирует с концепциями постколониальной гуманитаристики по преодолению европоцентризма и этноцентризма, на фоне утверждения идей экологического и культурного экуменизма.

Литература

1. Мазур В. Деньги: роман-океан. Харьков: Фолио, 2019. 445 с.

References

1. Mazur V. Den'gi: roman-ocean [Money: ocean romance]. Khar'kov: Folio, 2019. 445 s.

Анотація

Н.В. Сподарець. Топографія як фактор антропології роману Ванди Мазур «Гроші»

Стаття присвячена аналізу образу одеської Ейкумени як фактора антропної ідентичності в романі Ванди Мазур «Гроші». Відзначено, що просторові топоси в романі концептуалізуються не стільки в аспекті етнічного чинника, скільки екзистенційно-онтологічного і міфопоетичного.

Просторова топіка роману, при всій очевидності ознак non-fiction (топоси Франції, Північної Африки, України, Одеси та ін.), характеризується символічними значеннями, архетипними кодами, чому відповідає поетика багатозначності номінацій «південь України», «південне місто». Їх людський ресурс і дозволив створити одеську Ейкумену. Але читач не відразу дізнається, про яке південне місто йде мова. Тільки по ходу розповіді образ міста конкретизований топосами Одеси та одеської області. Семантичне поле цих понять розширюється до значень ментального стану людини в ситуаціях екзистенціальних і цивілізаційних потрясінь.

Стратегія текстообrazовання між форматом фікшен і non-фікшен в романі реалізується сполученням дискурсів візії, рефлексії і достовірних просторових топосів. Відповідно до чого, сфера топонімів в модельованих картинах ейкуменського світу не обмежена функцією об'єктно-предметного знака реального міста, а наділена й умовно-символічними значеннями.

Очевидно, що художня антропології роману Ванди Мазур «Гроші» корелює з концепціями постколоніальної гуманітаристики про подолання європоцентризму і етноцентризму, на тлі утвердження ідей екологічного і культурного екуменізму. Концепти Одеси і одеського регіону в межах художнього світу роману артикуються як аксіологічно значущі в утвердженні транскультурної ідентичності персонажів.

Ключові слова: роман Ванди Мазур «Гроші», одеська Ейкумена, просторові топоси, художня антропологія, транскультурна ідентичність.

Аннотация

Н.В. Сподарец. Топография как фактор антропологии романа Ванды Мазур «Деньги»

Статья посвящена анализу образа одесской Эйкумены в романе Ванды Мазур «Деньги» как фактора антропной идентичности. Отмечено, что пространственные топосы в романе концептуализируются не столько в аспекте этнического фактора, сколько экзистенциально-онтологического и мифопоэтического.

Пространственная топика романа, при всей очевидности признаков *non-fiction* (топосы Франции, Северной Африки, Украины, Одессы и др.), характеризуется символическими значениями, архетипическими кодами, чему соответствует поэтика многозначности номинаций «юг Украины», «южный город». Их человеческий ресурс и позволил создать одесскую Эйкумену. Но читатель не сразу узнает, о каком южном городе идет речь. Только по ходу повествования образ места конкретизирован топосами Одессы и одесской области. Семантическое поле этих понятий расширяется до значений ментального состояния человека в ситуациях экзистенциальных и цивилизационных потрясений.

Стратегия текстообразования между форматом фикшен и *non-fiction* в романе реализуется сопряжением дискурсов визиизации, рефлексии и достоверных пространственных топосов. В соответствии с чем, сфера топонимов в моделируемых картинах эйкуменского мира не ограничена функцией объектно-предметного знака реального места, а наделена и условно-символическими значениями.

Очевидно, что художественная антропология романа Ванды Мазур «Деньги» коррелирует с концепциями постколониальной гуманитаристики о преодолении европоцентризма и этноцентризма, на фоне утверждения идей экологического и культурного экуменизма. Концепты Одесса и одесский регион в границах художественного мира романа артикулируются как аксиологически значимые в утверждении транскультурной идентичности персонажей.

Ключевые слова: роман Ванды Мазур «Деньги», одесская Эйкумена, пространственные топосы, художественная антропология, транскультурная идентичность.

Summary

N.V. Spodarets. Topography as a Factor in the Anthropology of Wanda Mazur's Novel *Money*

The article analyses the image of the Odessa's Ecumene in Vanda Mazur's novel «*Money*» as a factor of anthropic identity. It is noted that the spatial topoi in the novel are conceptualized not so much in the aspect of the ethnic factor, but rather on the existential-ontological and mythopoetical one.

The spatial topic of the novel, with all the obvious signs of non-fiction (topoi of France, North Africa, Ukraine, Odessa, etc.), is characterized by symbolic meanings and archetypal codes. It corresponds to the poetics of the ambiguity of such nominations as «south of Ukraine», «southern city», the people of which made it possible to create Odessa's Ecumene. But the reader will not immediately find out which southern city is being described. Only in the course of the narrative the image of the place is specified by the topoi of Odessa and the Odessa region. The semantical field of these concepts expands to the meanings of the mental state of the people in times of existential and civilizational upheaval.

The text formation strategy -- between the fiction and non-fiction format -- comes into being in the novel by combining the discourses of vision, reflection and credible spatial topoi. According to this, the toponyms' sphere in the created literary pictures of the Ecumene's world is not limited to the function of the object sign of a real place, but is adorned with symbolic meanings.

Obviously, the artistic anthropology of Vanda Mazur's novel «*Money*» correlates with the concepts of postcolonial studies on overcoming Eurocentrism and ethnocentrism, against the background of the approval of the ideas of environmental and cultural ecumenism. The concepts of Odessa and the Odessa region within the borders of the artistic world of the novel are articulated as axiologically significant in affirming the transcultural identity of the characters.

Keywords: Vanda Mazur's novel «*Money*», Odessa's Ecumene, spatial topoi, artistic anthropology, transcultural identity.

Інформація про автора

Сподарець Надія Вікторівна – доктор філологічних наук, професор кафедри світової літератури Одеського національного університету імені І.І. Мечникова; вул. Дворянська, 2, м. Одеса, 65026, Україна; e-mail: spodarets.n@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-8098-7455>